

Книжная полка

**ФИГУРА КОМАНДИРА: МОДУСЫ РЕФЛЕКСИИ
(Рецензия на книгу Гульнары Хайдаровой «Культурная практика приказа». – СПб.: Алетейя, 2022. – 408 с.)**

С.Г. Чукин
независимый исследователь

Аннотация: Рецензия инициирована вопросом, как можно мыслить военное дело в качестве культурной практики, и, в частности, как и насколько возможна рефлексия фигуры командира. Представляемая монография является одной из немногих в современном отечественном гуманитарном контексте, посвященных исследованию практики приказа. Автор монографии на материале непосредственных наблюдений, а также штудий военно-теоретического наследия, касается целого ряда проблем, связанных с культурой военного мышления и с философией военного управления. Значительное внимание уделено современной ситуации медиарациональности, трансформирующей представления о войне.

В рецензии представлена оценка вклада монографии в осмысление военной культуры, представлено ее значение для военного образования, выделена новизна, приведены дополняющие комментарии и идеи, критически названы ограничения подхода автора.

Ключевые слова: культурная практика приказа, культура военного мышления, философия военного управления, медиавойна, медиарациональность.

Успешная профессиональная деятельность, помимо необходимых знаний, умений и навыков у её субъекта (компетенций, как сейчас принято говорить), должна ему (субъекту) нравиться. То есть, быть желаемой, доставлять удовлетворение, побуждать к стремлению стать лучшим в ней, быть востребованным в этом качестве, получить признание со стороны ценностного сообщества. Есть, однако, профессии, относительно которых сказанное требует не просто пояснений, но убедительной аргументации, включающей философскую рефлексию. В их числе – военное дело, объектом которого выступает вооруженное насилие, с доисторических времен практикуемое людьми для решения разнообразных проблем. Мировая литература начинается с освещения войны и сакрализации её участников, а военные добродетели на длительное время становятся эталоном человеческих (мужских) добродетелей.

И в то же время уже в античной мысли зарождается предположение (подозрение) о том, что прямое военное насилие, даже в случае его успеха, следует рассматривать как поражение человеческой природы. Иными словами – быть человеком предполагает, среди прочего, способность решать возникающие проблемы не силой, а разумом. Подтверждением этому

служит и то, что после десяти лет безуспешных попыток овладеть Троей с помощью силы греки смогли добиться этого с помощью уловки, придуманной Одиссеем. Дальнейшая история войн лишь подтверждает этот вывод. Тем не менее, войны не уходят из нашей жизни, а военное дело не теряет своей привлекательности для миллионов мужчин (а в последнее время и женщин), которые делают его своей профессией. Несмотря на то, что эвфемизмы, камуфлирующие войну и военное дело, скрывают от непосвященных (и не желающих быть посвященными) простой, но леденящий воображение и душу факт: война – это место, где люди убивают друг друга и уничтожают вещи. Она представляет собой ту самую пограничную ситуацию, где подвергаются испытанию сущностные силы человека, а потому философия не может уклониться от того, чтобы задаться вопросами: Что значит быть профессиональным военным? Каково это – быть человеком, добровольно избравшим делом своей жизни это смертоносное занятие? Как возможна нравственная, а в перспективе – экзистенциальная – легитимация военной профессии?

Задаваясь этими вопросами, философ вступает на минное поле, не всегда сознавая, что большинство зарядов на нем являются неизвлекаемыми, и обезвредить их можно только подорвав. Поэтому мало кто из профессиональных философов отваживается на это предприятие, а профессиональные военные (если они – не Эрнст Юнгер) не обладают необходимой для этого философской культурой. Гульнара Хайдарова, будучи профессиональным философом, но имея любительское представление о военном деле, тем не менее рискнула вступить на эту опасную территорию, результатом прохождения которой и стала рецензируемая книга.

Во введении автор пишет, что ее основной целью было разобраться с содержанием командной деятельности, выявить инвариантные требования к человеку, возложившему на себя ответственное бремя командования, в котором, как она полагает, сконцентрированы метафизические и экзистенциальные аспекты военной профессии. Отсюда убеждение автора: командир должен быть дружным с философией, стараться овладеть философской культурой. Не только для того, чтобы разбираться в сложностях военного дела, но еще в большей степени для того, чтобы «спастись: остаться человеком – мыслящим, добрым, творящим, удивляющимся и восхищенным»¹. И несмотря на то, что Г. Хайдарова исследует практику командования на материале военно-морского флота, многие обобщения справедливы относительно военного командования в целом. С. Хантингтон в статье «Офицерская служба как профессия» утверждал, что суть профессии офицера – управление вооруженным насилием [Хантингтон 2022]. Но его интересовали только технические и прагматические аспекты командования, тогда как Г. Хайдарову волнуют связанные с ним эпистемологические и экзистенциально-антропологические проблемы.

Характеризуя военное дело, Клаузевиц писал, что оно, в принципе, несложно и понятно обычному человеку. Но воевать трудно. По той причине, что война – это процесс, в котором значительное место занимают случайность, неопределенность, субъективность, делающие применение законов и принципов чрезвычайно тяжелым делом. Автор размышляет над этой особенностью войны и вытекающими из неё требованиями к личности командира в первой части своей работы, начав с анализа книги Мишеля Фуко «Это не трубка», посвященной, в свою очередь, разбору одноименной картины Рене Магритта. Цель – показать и обосновать, что изображение объекта не есть объект, подобно тому, как карта не есть территория. В военном деле, как известно, большое место занимают учения, тренировки, стрельбы, упражнения на тренажерах, имеющие целью подготовить военнослужащих к выполнению задач в реальном бою. На занятиях по тактике сотни раз проигрываются возможные типовые

¹ См.: Хайдарова 2022: 7 (Далее в тексте при цитировании в скобках будет указываться страница этого издания).

ситуации, заучиваются константы, установленные посредством обобщения реального боевого опыта. Но все эти знания и умения претерпевают серьезную ревизию при первом же боестолкновении, подтверждая приведенное выше суждение Клаузевица. Потому как, пишет автор, из карт, тренажеров, ящиков с песком «изъята экзистенция – страх, смерть, боль и все заполняющая ненависть к врагу, наконец, нет трения...» (15). А раз так, то центр тяжести смещается в область применения, где в полной мере раскрываются способности командира, определяется его масштаб.

Применение войск в сражении – это искусство, с присущими для последнего чертами. Автор противопоставляет такое его понимание другому, которое считает военное дело ремеслом. В то же время в военном деле, как она сама признает, очень много черт, сближающих его именно с ремеслом, если определять последнее как изготовление изделия преимущественно ручным способом, кустарно. Довольно распространенным является мнение о том, что изделия ремесленного производства отличаются худшим качеством, чем промышленная продукция, изготовленная конвейерным способом. Это не совсем верно. Изделие ремесленника – это эксклюзивный продукт, в котором наглядно видна рука мастера. В этом его ценность, привлекательность для тех, кто хочет иметь вещь, которой больше нет ни у кого другого. Ремесленник способен сделать вещь по заказу, под конкретного потребителя, с учетом пожеланий и особенностей последнего. Он, следовательно, не находится в плену шаблонов, лекал, правил, а способен к импровизации. Командир, принимая решение на применение подразделения в бою и управляя им в ходе боя, также импровизирует, осуществляет то, что сейчас принято называть «ручным управлением».

Сопrotивляясь стремлению приравнять военное дело к ремеслу, автор приводит четыре определяющих, как она полагает, момента ремесленности, и, прилагая их к военному делу, приходит к выводу о том, что их неопределенность и размытость границ делает проблематичным употребление термина «ремесло» по отношению к военному делу. Однако ниже, во фрагменте, посвященном антропологическому значению руки для человека, рука командира отождествляется с рукой ремесленника, тонко чувствующего свой материал, воина, умеющего владеть оружием (35).

Ремесленная стадия хозяйственной организации человечества породила цеха как форму кооперации людей одной профессии, а также способствовала формированию специфического корпоративного этоса, который, пережив эту стадию, нашел воплощение в последующих, в том числе и современных формах организации совместной деятельности. В том числе – в военной сфере. Чувство сопричастности одному делу, опирающееся на уникальный экзистенциальный опыт, совместное пребывание на границе между жизнью и смертью, где жизнь каждого зависит, в том числе от поддержки товарища по окопу или экипажу, породило воинское братство, существующее во всех странах мира.

У Себастьяна Фолкса в романе «И пели птицы» есть эпизод, когда два солдата – англичанин и немец – оказавшись заваленными в подземном туннеле, совместными усилиями выбиваются из ловушки, пробиваясь друг к другу. И когда они встретились, наконец, то совершенно произвольно несмотря на то, что были врагами на поле боя, обнялись, уткнувшись в плечи друг друга и заплакали «над мучительной странностью человеческой жизни» [Фолкс 2014].

Об этой странности автор размышляет в месте своей книги, которое она назвала довольно претенциозно: Пустота в центре мира: жертва временем.

Время (и пространство) играет большую роль в военном деле, и умение с ним обращаться во многом определяет профессионализм командира. Но время, как справедливо отмечает автор, имеет разные режимы, и принципиальное значение имеет способность переключаться между ними или же интегрировать их в своем опыте. Командира отличает

именно последняя способность, и она помогает ему вынести скуку безделья в мирное время, когда отсутствует экзистенциальное напряжение, когда теряется смысл профессии. «Умение менять разметку времени формирует доверие к себе, дает спасительную цезуру – глоток воздуха – в напряженной деятельности командира» (45). Отложенное время военного человека связано с тем, что он полностью отдает себя служению общему делу, защите страны, жертвуя тем самым индивидуальным благополучием, откладывая на будущее вопрос о личном спасении. Личное время военного, по убеждению автора, редуцировано к социальному времени, порождая тем самым «дефицит личного смысла». Г.Р. Хайдарова квалифицирует этот добровольный отказ от личного времени как жертву, которая сохраняет жизнь другим людям и обществу и предполагает связь с ними в виде почестей, наград, исторической памяти.

Одной из проблем командования является противоречие между жесткой дисциплиной, необходимостью беспрекословного подчинения приказу, с одной стороны, и необходимостью свободы в принятии решения и действия в очень сложной ситуации боя. В среде военных профессионалов бытует такая мудрость: чтобы стать хорошим командиром, нужно сначала научиться подчинять свою волю воле вышестоящего начальника, а затем научиться навязывать свою волю нижестоящим. Это, как признают сами бывалые военные, не так просто, чаще встречается уклон в одну сторону. При этом гипертрофированная привычка подчиняться приказу и уклоняться от личной ответственности за суверенное решение не более опасна, чем абсолютный произвол, самовластие командира, оправдываемая необходимостью успеха любой ценой. Принимая решение, командир учитывает мнение своих подчиненных, однако за принятое решение несет ответственность исключительно он один. В случае победы – он герой, в случае поражения – его виновник. Причем среди резонансных, которые принимаются во внимание, не последнее место занимают соображения экзистенциального и морального порядка. Да, есть приказ, который нужно выполнить, но есть и ответственность перед собственной совестью, обществом, Богом. И высока вероятность, что отвечать придется. Поэтому, заключает автор, способность принимать правильное решение – ключевая в системе способностей, которые определяют профессионализм командира. И её нужно формировать и развивать. В том числе используя возможности философии, которая имеет богатую традицию обращения к этому вопросу, начиная от фронезиса у Аристотеля, способности суждения у Канта и диалектики суверенности и автономии у Гегеля. Автор обстоятельно разбирает это (61–64).

Авторским ноу-хау при рассмотрении проблемы ответственности командира является обращение к современному социальному и культурному контексту, влияющему на принятие решения. Речь идет о медиареальности, сформированной цифровыми технологиями и новыми средствами коммуникации, и порожденной ими ситуации постправды, кардинально изменившей статус классических понятий истины и заблуждения (лжи): «ситуация постправды характеризуется не дефицитом правды, а тем, что не стало лжи, возможности уличить и отграничить ложь» (68). Это чрезвычайно усложняет принятие суверенного решения, поскольку в состав необходимых для этого компетенций включается способность медианализа, которую еще нужно сформировать, и об этом автор обстоятельно пишет во второй части своего труда.

Наиболее распространенным, можно сказать типичным, ответом военной бюрократии на тотальную дигитализацию жизни является стремление во что бы то ни стало уберечь от неё военную сферу. Речь, разумеется, идет не об отказе от «умных военных машин» [Деланда 2014], а о сохранении внутри медиареальности, которая по сути совпадает с реальностью, своего рода аналогового островка, свободного от тлетворного влияния медиа. На практике это выливается в запреты и ограничения на пользование цифровыми устройствами, членство в социальных сетях, доступ к определенным, «вредным» ресурсам. Бесплезность,

даже бессмысленность таких мер становится очевидной по мере осознания того факта, что состояние, в котором постоянно пребывает медиасреда – это состояние непрекращающейся войны всех против всех, в которой участники соревнуются в том, чтобы изобрести наиболее изощренную ложь, становящуюся в случае успеха правдой. Где нет союзников, а есть только конкуренты и противники. Где сложно понять, в чем состоит твой собственный интерес, а тем более – как его реализовать. Эта ситуация бросает вызов традиционному прагматизму военных, и автор рассуждает об ответах на него, связывая их возможность с овладением искусством медианалитики. То, что это искусство, а не логическая способность, подчеркивается выводом о том, что при недоступности фальсифицирующих и логических процедур, удостоверяющих истинность контента, сохраняется зыбкая опора в виде возможности нравственного и эстетического суждения (116–118).

Рассуждая о медиавойнах, автор наделяет их статусом самостоятельного бытийного события, подчиненного собственной логике, точнее особому типу рациональности, получившему название «медиаиррациональности». В таких войнах сражаются не реальные армии, а их цифровые образы, её участниками являются люди, зачастую имеющие смутное представление о том, что такое настоящая армия, реальное боестолкновение, кровь и пот солдата. И хотя ущерб, который несут участники медиавойн, является довольно существенным (репутационный, финансовый), в таких войнах отсутствует важная составляющая настоящей войны – опасность для тела. Автор очень кстати цитирует Эрнста Юнгера, философа и пехотного офицера, который вспоминает о своих ощущениях на поле боя, когда каждая точка тела солдата испытывает боль от сознания того, что её может поразить пуля или осколок снаряда [Jünger 2011]. Весомость этим словам придает тот факт, что их автор был ранен сорок четыре раза.

Обстоятельность, с которой автор подошла к рассмотрению мира медиа, его структуры и форм проявления, делают эту часть монографии ценной самой по себе, вне связи с проблемами войны и военной службы.

Командование – это вид деятельности, в которой решающую роль играют интеллектуальные качества человека. На первый взгляд, это суждение противоречит распространенному образу командира как волевого, жесткого, физически сильного человека, способного навязать свою волю подчиненным посредством приказа и добиться его выполнения. Да и в среде самих военных считают, что интеллектуалом, в лучшем случае, является начальник штаба, в задачу которого входит планирование и подготовка материалов для принятия командиром его суверенного командирского решения. Г.Р. Хайдарова в части третьей своей монографии развенчивает такое понимание. Мы считаем этот фрагмент, которому автор дала название «Культура военного мышления», квинтэссенцией всего её труда.

Обоснованным считается утверждение, что на мыслительные способности человека в разной степени влияют расовые, этнические, гендерные, возрастные, культурные факторы, имеющие все признаки объективных детерминант. Политкорректность требует уточнить, что это влияние касается психологических, а не логических аспектов мышления. Несколько иначе выглядит связь между профессией и мышлением. Классики марксизма писали о «профессиональном идиотизме» как следствии общественного разделения труда, имея в виду, что профессия сужает кругозор человека, ограничивает восприятие мира и, как следствие, его понимание. Но есть и обратная связь: любая профессия требует от её соискателя определенных качеств, в состав которых входят и интеллектуальные способности. Сказанное касается и профессии военного, в особенности – командира. Рассуждения о культуре военного (командирского) мышления автор ведет в двух направлениях: во-первых, пытается определить, что собой это мышление представляет с точки зрения его особенностей, и, во-вторых, как его сформировать, развить.

Мышление командира является элементом его профессиональной деятельности, поэтому ответ на вопрос о том, что оно собой представляет, кроется в содержании того, что он как командир делает или должен делать. Автор раскрывает это содержание посредством сопоставления трех фигур, воплощающих, по её убеждению, распределение власти в современном обществе: технократа, медиакрата и командира. Первые две фигуры являются типичными образчиками «эффективных менеджеров», носителей универсальной рациональности, демонстрирующих отсутствие эмоциональной и моральной привязанности к объектам управления, выдавая это за объективность. Таким менеджерам все равно, чем или кем управлять, поскольку законы и принципы управления и поведенческие характеристики людей, по их убеждению, универсальны. Власть командира иного рода. Она зиждется на авторитете у подчиненных и доверии, которое они ему оказывают, вручая ему не что-то, а саму свою жизнь. Командир является командиром, пока у него есть кем командовать. В том числе этим объясняется необходимость бережного отношения к личному составу.

Авторитет должности имеет два источника: официальный статус и полномочия, которыми наделяется её носитель, и индивидуальные качества человека, который эту должность представляет (замещает). Идеальным вариантом является тот, когда должность занимает достойный человек, подтверждающий и укрепляющий её авторитет. Для многих профессий фигура её носителя принципиального значения не имеет. Но не для командира: он, по выражению автора, является сакральной фигурой, ибо распоряжается в пределах своих полномочий жизнью и смертью, несет ответственность за них не только перед людьми, но и перед Небом. Поэтому командование как вид деятельности не тождественно управлению в общепринятом понимании этого слова. Командир не только организует имеющиеся в его распоряжении материальные и человеческие ресурсы для выполнения стоящих перед подразделением задач, но постоянно должен иметь в виду, что от его правильного решения и правильных управленческих действий в хаотичной ситуации боя или специальной операции зависит победа, которая недостижима без людей, которыми командир распоряжается.

Таким образом, командиру необходимы знания и волевые качества для того, чтобы эти знания реализовать через решение (приказ) и управленческие действия. Какого рода знания ему необходимы? Об этом автор рассуждает в разделе «опережающее мышление». Разумеется, командир должен знать «матчасть» – технику, вооружение, тактику боевого применения подразделения и особенности боевого и тылового обеспечения, методику обучения и воспитания личного состава. Этому в первую очередь учат в военных училищах. Кроме того, командиру нужны управленческие знания и навыки, включающие в себя законы, принципы, методы управления, типовые управленческие ситуации. Еще один блок знаний касается среды, в которой протекает повседневная и боевая деятельность подразделения: климатические и географические особенности существенны с точки зрения выбора тактики действий, применения вооружения, эксплуатации техники, влияния на боеспособность личного состава. Большое значение имеет и социокультурный контекст: гражданская инфраструктура, этнокультурные особенности населения, политический ландшафт, криминогенная ситуация и другие факторы, игнорирование которым может затруднить или сделать невозможной выполнение боевой или служебно-боевой задачи.

Указанные выше знания и базовые умения и навыки приобретаются в ходе овладения профессией в учебном заведении. Они доступны, перефразируя Клаузевица, среднему человеку. Но способность применять их в непростых условиях боевой обстановки требует более основательных мыслительных и волевых способностей. Автор полагает, что непременным качеством мышления командира является способность предвидеть ход событий на поле боя. Она называет это «опережающим мышлением» и рассматривая его шире, чем предвидение, делая акцент на таком важном измерении войны, как время: опередить противника – значит

упредить его, выиграть время (205–220). И все это благодаря быстрому и адекватному анализу ситуации, способности перерабатывать большой массив разнородной информации, периодически подпитывать имеющийся багаж базовых военно-профессиональных знаний, которые быстро устаревают ввиду постоянных изменений в военном деле. Все это «выстреливает» тогда, когда приходит время действовать: принимать решение на применение войск и управлять ими в динамике боя или сражения. Принять правильное решение для командира – это не только определить требуемые ресурсы (человеческие и материальные), но выбрать момент: автор, на наш взгляд, подобрала очень удачный термин для этого из греческой мифологии – Кайрос, бог удачи, счастливого стечения обстоятельств. У военных есть такое выражение: время «Ч»: его назначают с таким расчетом, чтобы атакующие подразделения достигли переднего края противника не раньше и не позже момента, когда завершится его массивная артиллерийская обработка. Если это произойдет раньше определенного времени, то попадешь под огонь своих, если позже – противник сможет прийти в себя и организовать эффективную оборону. В отличие от этого времени «Ч», которое легко рассчитывается, момент для начала действия, тактического или оперативного маневра в ходе боя, выбирается командиром на основании его собственной оценки, во многом – интуитивно. Он удерживает в голове картину боя, расположение подразделений, своих и противника, узкие места, вероятное развитие событий. И руководит всем этим хаосом, отдавая необходимые распоряжения в форме, понятной исполнителям.

Наполеон использовал образ квадрата для характеристики двух главных способностей командира – ума и воли. Основание квадрата – воля, высота – ум, и поскольку это квадрат, они равны друг другу. Командир невозможен без наличия этих двух качеств именно в их равновесном соотношении. Если решение не опирается на всесторонний анализ ситуации, а является объективацией только воли командира, хорошего не жди. Тот же самый результат следует ожидать, если анализ не реализуется в форму приказа и в действия из-за нерешительности командира. Б.М. Теплов в работе «Ум полководца» [Теплов 1990] характеризует мышление командира как «практическое», ссылаясь в том числе на Аристотеля с его практическим силлогизмом.

Автор монографии отмечает еще одну важную особенность мышления командира, а именно, соотношение в нем рационального и иррационального моментов. Рациональность проявляется в аналитических способностях, использовании объяснительных принципов каузальной редукции, а иррациональность состоит в опоре на интуицию, воображение, без которых невозможно решение нестандартных задач и управление динамикой боя. Суворов, по убеждению Г. Хайдаровой, служит примером полководца, удачно сочетающего в себе эти два момента, и объясняется это прекрасным общим образованием и склонностью к философской рефлексии. Именно опора на философию позволит сформировать способность к опережающему мышлению, без которой, убеждена автор, невозможно воспитание успешного командира.

Прежде чем перейти к этому блоку монографии, а именно, роли философии в образовании военного человека, хотим обратить внимание читателя на тот факт, что треть времени службы офицера занимает учеба: военное училище (институт), где в течение пяти лет будущий офицер получает базовые знания, необходимые для замещения должностей тактического звена управления, затем два-три года профильной академии, а в промежутках между ними различные курсы и классы, на которых происходит повышение квалификации или переподготовка. И везде курсантов и слушателей «пичкают» знаниями и умениями, необходимыми для получения соответствующих должностей или овладения новой техникой и вооружением. И редко где их учат тому самому опережающему мышлению, благодаря которому, утверждает автор, командир может самостоятельно генерировать необходимые в постоянно меняю-

щейся обстановке знания, творчески перерабатывать поступающую из разнообразных источников информацию в интеллектуальный продукт: адекватную этому времени и месту «картинку» реальности. Расхожим и избитым является высказанное У. Черчиллем суждение о том, что генералы всегда готовятся к прошедшей войне. Его интерпретируют в том смысле, что в военном деле важно учиться на ошибках прошлого, изучать опыт свой и противника с тем, чтобы подойти к новой войне более подготовленными. Однако история войн показывает, что все они непохожи одна на другую, и каждая является новой, за исключением разве что присутствия в них общих тактических премудростей, известных рядовому. Ганнибал, Юлий Цезарь, Наполеон, Суворов и другие известные военачальники прошлого, которых упоминает автор, обладали меньшим объемом знаний, чем среднеуспевающий выпускник военного училища в XXI веке. Но великими полководцами они стали благодаря способности нестандартно мыслить и умению трансформировать результаты этого мышления в приказ и действие. Можно согласиться, что их военный талант – от Бога, но как быть остальным, кого эта благосклонность не затронула? Формировать свой ум, опираясь на все доступные образовательные ресурсы, в том числе на философию и на дисциплины социального и гуманитарного блока, постигаемые в стенах военного училища, совершенствовать его в ходе решения реальных задач боевой службы, изучать успешный опыт военно-управленческой деятельности.

Г.Р. Хайдарова с нескрываемой страстностью приводит аргументы в обоснование своего тезиса о том, что мыслящий командир невозможен без основательной философской подготовки. Аналитические способности, логическая культура, рефлексивность, критичность, экзистенциальная опосредованность суждений – это те модусы мышления, овладение которыми предполагает изучение философии. Эту мысль автор иллюстрирует сравнением фигур философа, командира и художника, обращая внимание на точки соприкосновения между ними по трем параметрам: мышление, воление и суждение (242–246). Оставим в стороне художника, и обратим внимание на то, что общим у философа и командира автор видит мышление, но полагает, что его содержание, цель и качество у этих двух фигур различны. Это обнаруживается в том числе в отношении к войне.

Мышление философа – это инструмент мира. Признавая необходимость и ценность разного, оно нацелено на поиск возможностей его ненасильственной интеграции в общее (целое). Командир – это человек войны, она делает осмысленной его жизнь, поскольку без войны он оказался бы не у дел. Из этого не следует, однако, что ему нравится смерть, боль, страдания, неизбежно сопутствующие войне. Он принимает их как данность, но его целью является их минимизация за счет высокого профессионализма, основой которого является интеллект и воля. Интересна антропологическая метафора «двурукости» командира, с помощью которой автор демонстрирует, как командиру приходится, с одной стороны, решать боевую задачу, требующую в том числе рисковать жизнями подчиненных, а, с другой стороны, уменьшать возможные потери, сберечь подчиненных. Этого противоречия невозможно избежать, но его можно вынести, и автор, на наш взгляд, правильно определяет условия, которые позволяют это сделать: грамотное решение на применение сил и средств, основанное на «опережающем мышлении», доверие со стороны подчиненных, основанное на личном авторитете командира и сила духа, непоколебимая уверенность в важности, даже святости своего дела. Совпадение таких качеств у немногих военачальников (Нельсон, Суворов, Кутузов) не решает проблему: нужны, как замечает Г. Хайдарова, хорошо подготовленные командирские кадры среднего звена. Это действительно так. Именно последние, находясь в гуще боя, обречены на постоянный выбор: решить поставленную боевую задачу, используя все имеющиеся ресурсы и полномочия на их использование, в том числе право посылать подчиненных на вероятную гибель, или же сделать приоритетом сохранение личного состава и тем са-

мым повысить вероятность неудачи. Практика показывает, что выбор почти всегда склоняется в пользу первого решения, причем не от черствости командира, а как раз-таки от его понимания того факта, что войн без потерь не бывает, а командование включает в себя распоряжение жизнью и смертью. В этом – трагизм фигуры командира, но одновременно и проявление силы его духа. Его, в разной степени, ощущают и командир пехотного взвода, и командующий армией.

Завершающая часть монографии посвящена философии как учебной дисциплине в военно-учебном заведении. Хотя автор опирается на практику преподавания философии в Военно-Морской академии, обозначенные ею проблемы и предлагаемые их решения характерны для большинства военных вузов.

Для большинства будущих офицеров знакомство с философией начинается в стенах военного училища, где они изучают предусмотренный учебным планом стандартный курс этой дисциплины. Личный преподавательский опыт автора этих строк дает основание утверждать, что отношение к философии со стороны командования вполне укладывается в известное высказывание сановника времен Николая I о том, что польза философии не доказана, вред же её очевиден. Н.Л. Кладо, А.В. Немитц, А.А. Ливен, А.Д. Бубнов, высоко оценивающие роль философии в деле подготовки военных кадров и настаивающие на её внедрении в учебный процесс, являются редким, к сожалению, исключением, среди тех, кто влияет на политику в области военного образования. Большинство же полагает, что главная добродетель военного человека заключается в благоговейном отношении к Приказу, чему препятствует самостоятельность и критичность мышления, культивируемые философией. Такое настороженное отношение распространяется на большинство гуманитарных дисциплин, но философия «нелюбима» в особенности. Объяснить такое отношение невежеством, недалекостью, глупостью было бы слишком просто. Мы склонны считать, что в его основе лежит интуитивное понимание того, что война противна философии как главной инстанции человеческого разума. Глубокое овладение философией неизбежно приводит человека к выводу, что любая война является следствием неудачи (не неспособности, а именно неудачи) людей в использовании их дивного дара – разума – для того, чтобы решать проблемы мирными способами. Поэтому военный, «инфицированный» философией, будет сходен с гвоздем, побывавшем в огне: он утратит твердость и уверенность в правоте своего дела.

Такое действительно может произойти, но только в том случае, если военный станет философом в полном смысле этого слова. Но это – редкость. Автор, говоря о философии для командира, имеет в виду более скромную цель, а именно – формирование философской культуры командира, для чего она предлагает расширить состав и объем философских дисциплин, включить в них курс логики, причастной к развитию способности суждения и важного для военного человека умения ясно, кратко и доходчиво облекать в пункты приказа результаты анализа необходимой для принятия решения информации. Безусловно, современный командир, особенно оперативно-тактического уровня, должен обладать культурой медиа-анализа, сформировать которую поможет курс медиа-философии. На академическом уровне образования, слушатели которого уже изучили базовый курс философии, автор предлагает ввести курс «Философии военного управления», который, по её замыслу, должен быть посвящен рассмотрению двух векторов военного управления: экзистенциально-антропологическому и социально-культурному (288). Главной целью этого курса является не только получение соответствующих знаний, но формирование у слушателей способности к философствованию, рефлексии и трансцендированию. Это «высший пилотаж», который, разумеется, доступен немногим, однако удовлетворительным результатом может считаться раскрытие творческого потенциала, воспитание ответственного, свободного и критичного мышления.

Мы сознательно оставляем за скобками размышления автора о состоянии преподавания философии и гуманитарных дисциплин в Военно-Морской академии, равно как и её суждения относительно организации и содержания учебной и научно-исследовательской работы, полагая это частной проблемой конкретного вуза.

Резюмируя впечатления о прочитанном и понятом: профессиональный философ, не имеющая личного опыта соприкосновения с войной и военным делом, поделилась своими размышлениями об этих объектах, оправдывая свой интерес тем самым удивлением, с которого, как сказал Аристотель, начинается философия. Г.Р. Хайдарова, избрав местом научно-преподавательской деятельности Военно-Морскую академию, оказалась в окружении профессиональных военных моряков и была, как можно прочесть «между строк», удивлена, насколько её сформировавшиеся в гражданской жизни представления о военном деле, фигуре военного, и командира в особенности, отличаются от того, с чем она столкнулась и что узнала в процессе общения с коллегами в военной форме. Следствием этого и стал рецензируемый текст.

Автор убедительно показала и доказала, что война и человек на войне являются легитимными объектами философского интереса. Она верно обозначила и проанализировала точки соприкосновения философии, войны и военной профессии: войну как отчасти управляемую стихию, в которой сосуществуют рациональные и иррациональные элементы, моменты случайности и детерминированности, свободы и произвола; необходимость и возможность особой мыслительной способности, формируемой с помощью философии, которую автор назвала «опережающим мышлением» и которая позволяет военному человеку (командиру) осмысливать массив разнородной информации, необходимой для принятия решения; «кривые зеркала», порождаемые современными медиа и медианализ как средство «выпрямления» познавательной перспективы и получения необходимых для военного управления объективных знаний; основные онтологические координаты бытия, – время и пространство, – играющие важную роль в военном деле и от умения командира оперировать которыми зависит успех в бою или сражении. Но более всего автора интересует фигура командира, который, по её убеждению, несет на своих плечах основную экзистенциальную тяжесть войны, берет на себя ответственность за жизнь и смерть подчиненных. Замечателен пассаж о «двурукости командира», а также рассуждения о личности командира и роли гуманитарного знания в её возвращении.

Продуманными представляются предложения автора об устройстве философской части учебного плана подготовки будущих офицеров, однако несколько наивными выглядят надежды на то, что они заинтересуют руководство военными вузами. Это объясняется общей проблемой, существующей в деле подготовки офицерских кадров. До тех пор, пока военное ведомство будет монопольно определять, каким должен быть офицер (что на самом деле камуфлирует другую цель: какой офицер ему удобен), в армию и флот будут «поставляться» выпускники, ориентированные на решение шаблонных задач, пиетет по отношению к приказу и полагающие, что их главная задача – готовить подразделения к парадом и чемпионатам по танковому биатлону. Решением проблемы было бы создание независимого от силовых ведомств органа, реализующего государственную политику в области военного образования и открытого для мониторинга со стороны гражданского общества.

Г.Р. Хайдаровой удалось доказать, что союз философии и военного дела является взаимовыгодным. Книга, несомненно, будет востребована преподавателями философии военно-учебных заведений, а также военными, сознающими значимость философской составляющей их профессиональной культуры, но нуждающихся в наставлении со стороны профессионального философа. Следует, однако, отметить, что чтение монографии – это герменевтическая работа. Текст сложен, обилует метафорами, аллюзиями, параллелями и требует постоянного

интеллектуального напряжения. Но это свидетельствует о том, что философия, в отличие от военного дела, не занятие для обычного ума.

Деланда М. 2014. *Война в эпоху разумных машин* / пер. с англ. Д. Кралечкин. – Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый; Москва: Институт общегуманитарных исследований. – 338 с.

Теплов Б.М. 1990. *Ум полководца*. – М.: Педагогика. – 208 с.

Фолкс С. 2014. *И пели птицы*. Пер. с англ. С. Ильина. – Синдбад. – 600 с.

Хайдарова Г.Р. *Культурная практика приказа*. – СПб, Алетейя, 2022. – 408 с.

Хантингтон С. 2022. Офицерская служба как профессия. – *Отечественные записки*. – № 8. [Электронная библиотека]. – Доступно: <https://magazines.gorky.media/oz/2002/8/oficzerskaya-sluzhba-kak-professiya.html?ysclid=17z64edm8e662213229>. – Проверено: 01.09.2023.

Jünger E. 2001. *Das Wäldchen 125 // Ernst Jünger und Politik*. – Ernst Jünger. *Politische Publizistik. 1919 bis 1933* / hrsg, komment. und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggoetz. – Stuttgart: Klett-Cotta.